

*Посвящается
Джеку, Сонни и Какао:
всем моим обожаемым животным,
которых я любила и потеряла в этом году*

ВЕЧЕР ДНЯ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

23:59

Я пригибаюсь и натягиваю капюшон толстовки на голову, скрывая лицо. Девушка с рыжими волосами, идущая впереди меня, ускоряет шаг. Она знает, что ее преследуют. Чтобы не отстать, я тоже иду быстрее. Я всего лишь хочу поговорить с ней, но по тому, как она торопится уйти, понимаю, что она напугана. Услышав позади чьи-то осторожные шаги, я замедляю шаг. Затем поворачиваюсь и вижу идущую за нами фигуру.

Мне не нужно видеть его лицо, чтобы узнать, кто это.

Это он.

Сердце начинает стучать по ребрам, перекачивая кровь по телу с такой силой и быстротой, что я чувствую, как начинает пульсировать порез на ноге. Я отступаю в тень и жду, когда этот тип пройдет. Он сворачивает за угол, и я вижу, как меняется язык его тела, когда он видит идущую впереди женщину. Я узнаю его фигуру, угловатые очертания его тела и точно знаю, что он собирается делать. Я выхожу из своего укрытия. Я направляюсь к мужчине, иду навстречу опасности. Мои действия вполне сознательные, но моя судьба остается неизвестной.

ДО ЭТОГО

Сафайр

Меня зовут Сафайр Мэддокс. Мне семнадцать лет. Со стороны отца я валлийка. Со стороны мамы во мне есть тринидадская и малайская кровь, и капелька французской. Иногда люди пытаются угадать, кто мои предки, но всегда ошибаются. Если кто-то спрашивает, я просто отвечаю, что я полукровка, и больше вопросов не возникает. Зачем вообще кому-то знать, кто с кем спал. В конце концов, это мое личное дело, верно?

Я учусь в предпоследнем классе школы в Чок-Фарм, где изучаю математику, физику и биологию, потому что я по жизни технарь. Вообще-то я не знаю, чем хочу заниматься, когда закончу школу. Все считают, что я поступлю в университет, но иногда мне кажется, что я просто хочу работать, может, в зоопарке, может, в парикмахерской.

Я живу в квартире с двумя спальнями на восьмом этаже высотки на Альфред-роуд, прямо напротив школы, в которую я не хожу, потому что ее еще не построили, когда я пошла в среднюю школу.

Моя бабушка умерла незадолго до моего рождения, а мама умерла вскоре после того, как я появилась на свет. Мой отец не хочет обо мне знать, а дедушка умер несколько месяцев назад. Так что я живу со своим дядей.

Он всего на десять лет старше меня, и его зовут Аарон. Он заботится обо мне, как отец. С девяти до пяти

он работает в букмекерской конторе, а по выходным занимается садоводством. Наверное, он лучший человек в мире. У меня есть еще один дядя, Ли, который живет в Эссексе с женой и двумя крошечными дочками. Так что в семье наконец-то появились девочки, но для меня это уже довольно поздно.

Я выросла с двумя мужчинами, и в результате у меня не очень хорошо получается находить общий язык с девушками. Или, точнее, с мальчишками мне легче. Ребенком я тусовалась с ними, и меня называли сорванцом, хотя я им никогда не была. А потом я начала меняться и стала «хорошенькой» (я не думаю, что я хорошенькая, просто все, кого я встречаю, так говорят). Мальчишки больше не хотели тусоваться со мной в качестве друзей, стали как-то странно вести себя со мной, и я поняла, что мне лучше завести подружек. И я их завела, но мы не очень близки, и вряд ли по окончании школы я когда-нибудь увижу кого-то из них снова. Но пока мы дружим, просто чтобы чем-то заняться. Мы все знаем друг друга очень давно. Это легко.

Вот такая я в общих чертах. Я бы не сказала о себе, что я счастливый человек. Я не слишком часто смеюсь и не люблю обниматься, как другие девушки. У меня скучные хобби: я люблю читать и готовить. И не особо люблю куда-то ходить. Я люблю выпить капельку рома с дядей в пятницу вечером, пока мы смотрим телевизор, но я не курю «травку» и не принимаю наркотики. Удивительно, как много скучных вещей могут сойти тебе с рук, если ты красивая. Никто этого не замечает. Когда ты красивая, все просто думают, что у тебя классная жизнь. Люди порой бывают жутко близоруки. Люди вообще тупые.

У меня темное прошлое, и меня часто одолевают мрачные мысли. Я делаю жутковатые вещи, и иногда мне за себя страшно. Я просыпаюсь посреди ночи на смятых простынях. Перед сном я заправляю простыню под ма-

НЕВИДИМАЯ ДЕВУШКА

//////////

трас, натягиваю ее так сильно, так туго, что от нее легко отскакивает монета. На следующее утро все четыре угла простыни вылезают из-под матраса. Я и моя простыня переплетаемся в объятьях. Я не помню, что случилось. Я не помню своих снов. Я не чувствую себя отдохнувшей.

Когда мне было десять лет, со мной случилось кое-что очень-очень плохое. Давайте не будем вдаваться в подробности. Но да, я была маленькой девочкой, и это был большой плохой момент, который не должна испытывать ни одна маленькая девочка, и то, что случилось, изменило меня. Я начала наносить себе повреждения, на лодыжках, под носками, чтобы никто не увидел порезов. Я знала, что такое самоистязание — в наши дни это знают все, — но я не знала, почему я это делаю. Я просто знала: это не дает мне заикливаться на других вещах в моей жизни.

Затем, когда мне было лет двенадцать, мой дядя Аарон увидел порезы и шрамы, сложил два и два и отвел меня к терапевту, который направил меня в Детский центр Портмана для лечения. Меня отправили к человеку по имени Роан Форс.

— 2 —

Кейт

— Мам, можешь поговорить со мной?

Дочь, судя по голосу, запыхалась и напугана.

— Что? — спрашивает Кейт. — Что случилось?

— Я иду домой от метро. И я чувствую...

— Что?

— Это вроде тот самый парень... — Голос дочери понижается до шепота. — Он идет за мной по пятам.

— Просто продолжай говорить, Джорджи, просто продолжай говорить.

— Я и продолжаю, — огрызается Джорджия. — А ты слушай.

Кейт пропускает мимо ушей подростковую грубость и спрашивает:

— Где ты сейчас?

— Иду по Танли-Террас.

— Хорошо, — говорит Кейт. — Хорошо. Значит, ты уже почти здесь.

Она отодвигает занавеску и смотрит на улицу, в темноту январской ночи, ожидая, когда появится знакомый силуэт.

— Я тебя не вижу, — говорит она, начиная слегка паниковать.

— Я здесь, — отвечает Джорджия. — Я тебя вижу.

Когда она произносит эти слова, Кейт тоже замечает ее. Пульс начинает замедляться. Кейт отпускает занавеску и идет к входной двери. Обхватив себя руками и съжившись от холода, она ждет Джорджию. На противоположной стороне улицы на дорожку, что ведет к большому дому напротив, сворачивает и исчезает из виду чья-то фигура. Какой-то мужчина.

— Это он? — спрашивает она Джорджию. Дочь поворачивается. Ее руки сжаты в кулаки на манжетах мешковатого пуховика.

— Да, — говорит она. — Это был он.

Она дрожит. Кейт закрывает за ней дверь и увлекает за собой в теплый коридор. Дочь на миг обнимает Кейт и прижимает ее к себе, а затем говорит:

— Извращенец.

— Что именно он сделал?

Джорджия сбрасывает пуховик и небрежно кидает его на ближайший стул. Кейт поднимает пуховик и вешает его в коридоре.

— Не знаю. Просто он какой-то жуткий.

— В каком смысле?

НЕВИДИМАЯ ДЕВУШКА

//////////

Кейт следует за Джорджией в кухню. Дочь между тем открывает дверцу холодильника, разглядывает его содержимое и снова закрывает.

— Не знаю, — повторяет Джорджия. — Просто шел за мной по пятам. Вел себя... очень странно.

— Он что-нибудь сказал тебе?

— Нет. Но, похоже, собирался. — Джорджия открывает кухонный шкафчик, достает упаковку кексов «Яффа», вынимает один и кладет в рот целиком. Жует и глотает, затем вздрагивает. — Он напугал меня до потери пульса, — говорит она. Ее взгляд падает на белое вино Кейт. — Можно мне глоток? Чтобы успокоить нервы? — спрашивает Джорджия.

Кейт закатывает глаза и передает бокал дочери.

— Ты бы узнала его? — спрашивает Кейт. — Если бы увидела снова?

— Пожалуй. — Джорджия готова сделать третий глоток, но Кейт забирает у нее бокал.

— С тебя хватит, — говорит она.

— Но я пережила травму! — возмущается Джорджия.

— Вряд ли, — говорит Кейт. — Но это тебе урок. Даже в таком якобы «безопасном» районе нужно сохранять бдительность.

— Я ненавижу этот район, — бросает Джорджия. — Я не понимаю, зачем вообще здесь жить, если в этом нет необходимости.

— Ты права, — соглашается Кейт. — Мне самой не терпится вернуться домой.

Это съемный дом, временное жилье. Их собственный дом, в миле отсюда, пострадал от просадки. Они решили, что пожить какое-то время в таком «шикарном» месте — это приключение. Они не подумали, что в шикарных районах полно шикарных людей, которым не очень нравится тот факт, что поблизости живут другие люди. Они не думали о неприветливых домах с охраняемыми воротами, о том, насколько жуткими будут, по сравнению с их